

тропы

Валерий Шубинский

братья зданевичи

Непохожие жизни двух
авангардистов

Тропы, 2027

УДК 929
ББК 85стд1-8
Ш95

Шубинский, Валерий.

Ш95 Братья Зданевичи. Непохожие жизни двух авангардистов / Валерий Шубинский. — М.: Тропы, Эксмо, 2027. — 288 с.

ISBN 978-5-04-227089-5

В начале 1910-х годов уроженцы Грузии Кирилл и Илья Зданевичи быстро влились в бурную культурную жизнь предреволюционной России: литератор Илья стоял у истоков футуризма и громил старое искусство, художник Кирилл писал картины вместе с лучшими мастерами своего времени, а вместе они открыли миру гений Нико Пиросмани. Судьба быстро развела братьев по разные стороны железного занавеса. Илья уехал, прославился в Европе как Ильязд, пережил оккупацию Парижа немцами, писал безумные авангардные романы и сотрудничал с Коко Шанель. Кирилл остался, работал в Москве и Грузии и, вернувшись после восьми лет в лагерях, получил признание как один из лучших художников эпохи. Исследуя жизненные пути братьев Зданевичей, писатель Валерий Шубинский рассказывает не только о них самих, но и мире, в котором им довелось жить, доказывая, что даже в темные времена есть шанс сохранить себя и преуспеть в искусстве — как в эмиграции, так и на родине.

УДК 929
ББК 85стд1-8

© Валерий Шубинский, 2027
© ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-227089-5

Тропы, 2027

Оглавление

От автора	7
Истони	9
«Всёчество» и все остальное	22
Пиросмани	68
Война и албанский кркуль	87
На 41 градусе	115
Стамбул	149
Рождение Ильязда	170
Нирилл (жизнь советская)	215
Ильязд (зрелость)	235
Последний акт	271

От автора

Судьбы двух братьев, Кирилла и Ильи Зданевичей, вызывают в последнее время интерес. Появились работы, посвященные им, на разных языках. Если еще несколько десятилетий назад о них помнили прежде всего в связи с «открытием» Нико Пиросмани, то сейчас вызывают интерес как выдающееся литературное наследие Ильи Зданевича («Ильязда»), так и художественные поиски его брата. Однако осознать их путь в целостности и взаимосвязи не так просто. Слишком со многими ярчайшими фигурами столетия переплетаются их судьбы (особенно судьба Ильи Зданевича), слишком необычны иные повороты судеб братьев, сперва неразлучных, а затем, в зрелые годы, разлученных историей.

Родина братьев Зданевичей — Грузия. Истоки их рода в Польше (хотя и грузинская кровь текла в их жилах). Родным языком их был русский. Жизнь Кирилла Зданевича по большей части прошла в Грузии (откуда ему доводилось на время уезжать в Петербург, Париж, Константинополь, Москву и, увы, Воркуту). Его творчество естественно и однозначно считается частью грузинского авангарда, в истории искусств он стоит рядом с такими сверстниками, как Ладно Гудиашвили, Шалва Кикодзе, Давид Какабадзе (что не отменяет связей

с русскими художниками из группы «Ослиный хвост»). Иная судьба выпала Илье Зданевичу. Весьма критически относясь к российской имперской государственности, он тем не менее был, особенно в первой половине жизни, русским писателем и оставался вовлечен в сложные и интересные отношения внутри русской культуры; потом ее сменила культура французская (и это тоже важнейшая часть биографического и исторического контекста). Он был другом и сотрудником Пикассо и Коко Шанель. Судьба заставляла его близко соприкасаться с людьми из самых разных культурных миров — вплоть до Черной Африки. В каком-то смысле его можно отнести к эстетическим космополитам, которыми XX век богат. Но при этом духовным истоком Ильязда, автора «Восхищения», «Философии» и проч., всегда оставалось Закавказье. И понятно, что от него — и в силу профессии, и в силу темперамента, и в силу постоянной жизни на виду, на людях, в свободном мире — осталось гораздо больше текстов и свидетельств, чем от Кирилла.

Эта книга — очень краткий очерк судеб двух братьев. Но на русском языке — первый.

Истоки

Центр Тбилиси (Тифлиса), кажется, не так уж сильно изменился с конца XIX века. К тому времени уже был «по-европейски» застроен участок между горой Давида и правым берегом Куры, проложен Головинский проспект (ныне проспект Шота Руставели), возникла немецкая колония на левом берегу, в Чугурети. С другой стороны, и сегодня существуют прекрасные домики и древние храмы того, что авторы русских путеводителей называли «азиатской частью города» (Абанотубани, Сололаки, Авлабар, Ортачала). Во времена империи эта сторона Тбилиси вызывала у зашоренных чиновников доморощенно-колониалистскую брезгливость, а у поэтов — восторг. Легко представить себе городскую среду, в которой прошло детство наших героев.

Тот район, который исторически называется Вере (по протекающему там притоку Куры) принадлежал к «европейским»: он появился уже после того, как объединенное Картлийско-Кахетинское царство вынуждено было в 1783 году принять российское «покровительство», а в 1801-м было окончательно присоединено к империи. В 1898 году здесь разбили парк, в котором, по преданию, Нико Пиросмани (тоже один из героев нашей книги) встретил «актрису Маргариту». Сохранился и дом

№ 13 в Кирпичном переулке (ныне улица Дмитрия Бакрадзе), принадлежавший преподавателю французского языка Первой Тифлисской гимназии Михаилу Андреевичу Зданевичу.

Семейное предание гласит, что предка Зданевича, поляка, выслали в Тифлис за участие в восстании не то 1830–1831, не то 1863 года. В Российском Государственном историческом архиве данных на сей счет, касающихся именно Зданевичей, найти не удалось, но массовые принудительные переселения «неблагонадежных» поляков в Грузию в 1831 году действительно происходили. В исторических работах упоминается о пяти тысячах семей; среди них с большой вероятностью могли быть и Зданевичи. Что известно точно: Андрей Зданевич, дед братьев, работал почтовым чиновником в Зугдиди и женился на дочери другого польского переселенца, Ильи Длугинского, начальника канцелярии Эриванского наместничества.

Михаил Андреевич, родившийся в 1862 году, закончивший гимназию в Кутаиси, а затем учившийся в Сорбонне, хотя и помнил о своих корнях, в культурном ощущении, судя по всему, был уже больше русским, чем поляком. Во всяком случае, из трех опубликованных им книг одна посвящена русской литературе («Русские поэты в детском кругу: Собр. стихотворений Пушкина, Плещеева, Майкова, Никитина, Фета, Аксакова, Жуковского, Кольцова, Некрасова, Лермонтова и басен Крылова: Для детей от 6 до 12 лет. возраста», Тифлис, 1888); еще одна, в том же году вышедшая, — русской грамматике (пособие для поступающих в гимназии и кадетские корпуса); третья — краткая биография Альфонса Доде. Круг интересов его был достаточно широк (включая велосипедный спорт и лепидоптерологию¹ — но, кажется, ничего специфически кавказского). Грузинским языком, по свидетельству старшего сына, Михаил Андреевич владел (наряду с французским, немецким, английским, латынью и греческим), но неизвестно, на каком уровне.

¹ Раздел энтомологии, изучающий бабочек.

Михаил Андреевич Зданевич, около 1890 года

Трудно сказать, где и когда познакомился Михаил Зданевич с семьей Кирилла Семеновича Майневского, эриванского мирового судьи, тоже вроде бы поляка (но тоже обрусевшего) по происхождению. В семье росла дочь Валентина 1870 года рождения, чья история рассказывается очень по-разному. Вот версия старшего из ее сыновей, Кирилла Зданевича:

В три года шустрая и смышленная Мария была любимцей в семье Гамкрелидзе, живших в Нутаиси. Двое пожилых бездетных супругов М[айневских] привязались к девочке и, заранее все подготовив, похитили девочку, бежав с ней на Северный Кавказ. Заметая следы, они переехали в Баязет на границу с Турцией. Теперь она стала Валентиной Кирилловной. Девочка выросла, и ее нужно было учить, и М[айневские] переехали в Тифлис. Здесь Тамара Гоголашвили, племянница

мамы, наконец-то разыскала похищенную. Мы, дети, всегда удивлялись, почему наша мама — «русская», но такая жгучая брюнетка! Н нашей величиной радости, мама увидала своего настоящего отца и мать, а также братьев — Вардена, Володю, — сестру Варвару Гамкрелидзе и их детей: Бабо, Тамару и Шалву. Было радостно и весело. Поехали все в Нутаиси, и здесь последние сомнения рассеялись: мама была копией своего отца¹.

Другая (и более правдоподобная) версия гласит, что Мария Лукинична Гамкрелидзе, как ее изначально звали, была попросту продана своими родителями, обедневшим дворянином Лукой Гамкрелидзе и его женой Фионой, бездетным Майневским. Это практиковалось на Кавказе. Очевидно, что Валентина по документам считалась дочерью Майневских; и очевидно, что она любила приемного отца, иначе не назвала бы его именем старшего сына. Но в 1900-е Кирилл и Илья общались со всеми «бабушками и дедушками» со стороны матери — Майневскими и Гамкрелидзе. Настолько идиллический финал плохо идет к обеим версиям — и продаже, и похищению. Позже Валентина Кирилловна, сохранив данное Майневскими имя, предпочитала, тем не менее, подчеркивать свое грузинское происхождение — так, писатель Константин Паустовский, живший у Зданевичей в 1923 году, называет ее «имеретинкой»; сыновья Валентины Кирилловны, связанные с грузинской культурой гораздо теснее, чем их родители, тем более придавали важное значение своим местным корням. Но можно с уверенностью сказать, что в доме Зданевичей в 1890–1900-е годы грузинский язык если звучал, то редко — как, впрочем, и польский.

Валентина Майневская-Гамкрелидзе-Зданевич с детства занималась музыкой и была талантливой пианисткой.

¹ Зданевич К. Отрывки из книги воспоминаний // Отдел рукописей Государственного Русского Музея. Ф. 177. Ед. хр. 121. Л. 1–2.

Вопреки утверждениям некоторых биографов, она не могла учиться в Тифлисской консерватории (та была основана только в 1917 году), но музыкальное училище в городе работало с 1883 года, и его-то она, видимо, и закончила. После этого она, по семейному преданию, жила в Петербурге, где брала уроки у Чайковского. Выйдя замуж, она играла, видимо, только на частных, домашних концертах.

История Грузии в период ее вхождения в Российскую империю полна противоречий. Представители местной элиты были инкорпорированы в русское дворянство, некоторые из них (скажем, Багратион или тифлисский армянин граф Лорис-Меликов) занимали высочайшие посты в империи. Грузинская культура, в особенности поэзия, переживала расцвет (продолжившийся, несмотря на террор, и в советское время). За сто лет после присоединения к империи работало несколько великих поэтов (от Бараташвили до Важа-Пшавела), были изданы стихи Давида Гурамишвили и других классиков прежних времен. Но для посещавших Грузию русских, в том числе для русских поэтов, этой традиции долгое время почти не существовало. Пушкин, записав в Тифлисе грузинскую песню и снисходительно похвалив ее «восточную бессмыслицу, имеющую свое поэтическое достоинство», не заинтересовался именем ее автора (это был поэт Димитрий Туманишвили) и вообще не изъявил желания познакомиться с местными литераторами. Первый сборник переводов из грузинской поэзии появился на русском языке в 1889 году (и принадлежал Ивану и Александре Тхоржевским). Первый прозаический полный перевод «Витязя в тигровой шкуре», выполненный Марджори Уодроуп, вышел в 1912 году на английском языке; первый русский стихотворный перевод Константина Бальмонта был сделан на его основе. В XX веке русская поэзия отдала этот долг — усилиями Николая Заболоцкого, Бориса Пастернака, Бенедикта Лившица и других русских поэтов, как и представителей грузинской интеллигенции, позаботившихся о знакомстве русского читателя с богатейшим поэтическим наследием

кавказской страны. Всероссийское, а затем и всемирное признание получила грузинская живопись — в очень большой степени трудами героев нашей книги.

Но все это будет потом. Пока, на рубеже XIX и XX веков, грузинам, чье наследие только начинало открываться миру, приходилось в одиночку бороться с начавшейся при Александре III активной обрусительной политикой. Достаточно сказать, что грузинским священникам было предписано служить по-русски, а из литературных произведений вымарывалось само слово «Грузия». Сопротивление этому росло. Грузинское национальное движение становилось все осязаемее. В нем было две линии — либеральная (во главе с харизматическим писателем Ильей Чавчавадзе) и социалистическая.

Русские в Грузии, в основном офицеры и чиновники (интеллигенции было сравнительно мало, так как любые попытки открытия в Тифлисе университета пресекались), в значительной своей части пытались жить так, будто рядом не горные ландшафты, кипарисы и чужой, экзотический быт, а среднерусская провинция. Если, например, во многих номерах тогдашней городской газеты «Тифлисский листок» заменить слово «духан» на «трактир» и убрать рекламу ковров, будет сложно догадаться, в какой губернии она выходила. Но многие, особенно во втором поколении, в грузинскую культуру погружались — по крайней мере бытовую и хотя бы отчасти. Владимир Маяковский, родившийся в 1893 году в семье русского чиновника в Багдади, знал грузинский язык (и это был единственный известный ему язык, кроме русского). Другой русский поэт, Николай Гумилев, который прожил в Тифлисе всего три года (и, кстати, по всей вероятности учился у Михаила Андреевича Зданевича в Первой гимназии), тоже имел представление о грузинском языке, переписывался с грузинскими поэтами и планировал переводить «Змееда» Важа-Пшавела.

Дата свадьбы Михаила и Валентины Зданевич, кажется, неизвестна. Их старший сын Кирилл родился 10 (22) июля 1892 года в Коджори, горном курорте рядом с Тбилиси —

на даче. Илья — в городе, 21 апреля (3 мая) 1894-го. Есть свидетельства, что Валентина Кирилловна после рождения Кирилла мечтала о дочери и потому одевала младшего Илью в платьица с рюшечками и не стригла ему волосы. На совместной фотографии братьев это хорошо видно. Впрочем, в то время мальчиков лет до пяти часто одевали в платья. Половая дифференция наступала позже, но была очень резкой.

Михаил Андреевич с сыновьями, 1897 год (Илья в платье)

Илья вспоминал, что мать перед сном якобы оборачивала пряди его волос бумажками, вырванными из книг русских классиков — Пушкина, Грибоедова, Гоголя. Вообразить такое в российской интеллигентной семье любых этнических корней трудно; скорее это соответствует стилю и направлению писательской фантазии Ильязда и символизирует его сложные отношения с литературной традицией.

Юные братья Зданевичи в матросских костюмчиках. Нонец 1890-х

Дневник Валентины Кирилловны фиксирует взросление сыновей, и оно кажется почти беспроблемным. «Кирилл и Илья стали очень хорошими детьми». Старший мальчик не доедает обед — так торопится на урок рисования. Илья делает успехи в арифметике... Кирилл Зданевич в числе близких людей называет тетку по отцу Нину и ее сына Володю (Мрозовского — он еще будет упомянут), а про родителей пишет:

«Если мать была нашей наставницей в литературе и живописи, то отец наглядно прививал нам любовь к физкультуре и спорту...»¹. Под руководством матери мальчики писали волшебные сказки или «исправляли сказки Андерсена», приписывая к ним хорошие концы. Кирилл их иллюстрировал, и эта «книжка» сохранилась в Национальном музее Грузии. С отцом они пешком ходили к своей коджорской даче, через Мтацминду и мимо деревни Цавкиси. Самые сильные впечатления, по воспоминаниям Кирилла Зданевича, связаны были с «замком Короглы» (точнее, с его руинами) и Кабенским монастырем, в том числе старинным храмом, который монахи в начале XX века разобрали на кельи. Позднее Илья вместе с отцом совершал настоящие альпинистские восхождения. Летом мальчики жили у родственников в Батуме, у моря.

По-видимому, в 1903 году Кирилл и Илья поступили в Первую Тифлисскую гимназию, в один класс (несмотря на двухлетнюю разницу в возрасте) — причем Илья учился успешнее Кирилла. Последний перечисляет своих друзей — Мишу Ткемалидзе, Ваню Праведникова, а из учителей выделяет почему-то только преподавателя гимнастики, чеха Антона Лукаша.

Гимназические годы братьев совпали с революцией 1905–1907 годов. Одним из центров ее стало Закавказье, где классовые противоречия (особенно острые из-за крайней неравномерности экономического развития региона) накладывались на национальное угнетение и борьбу с ним. При этом интересы и желания самих угнетенных империей народов не всегда совпадали друг с другом; не совпадали и позиции разных групп в собственно грузинском революционном движении. Забастовки, теракты, «экспроприации» (в организации которых участвовал бывший вычислитель-наблюдатель Тифлисской обсерватории, некто Сосо Джугашвили) и ответные жестокие меры властей сотрясали край — эти впечатления впоследствии отразились

¹ *Shervashidze N. Kirill Zdanevich (1892–1969). Pages from the Archive: Diaries, Memories, Letters. Tbilisi, 2021. Vol. III. P. 95.*

в романе Ильи Зданевича «Восхищение». 16 января 1906 года здание гимназии потряс взрыв: на Головинском проспекте, у Александровского сада, бомбой, брошенной железнодорожным рабочим, социал-демократом Арсеном Джорджиашвили, был убит начальник штаба Кавказского военного округа Федор Грязнов. Связанный с революцией разгул преступности коснулся и семьи Зданевичей. В 1905 году в Михаила Андреевича, возвращавшегося вечером из гостей с Илейей, стреляли — неизвестно кто, неизвестно из-за чего. Покушавшихся не нашли. Рана оказалась не смертельной, но Валентина Кирилловна из-за волнения забыла о сроках платежей в банк, и купленный в рассрочку дом в Коджори был перепродан другим владельцам.

Первые стихи Ильи Зданевича относятся еще к гимназическим годам. Ожидаемо в них нет никаких открытий. Но кое-что примечательное есть.

Возьми венок сплетенный мной
Из красных веток винограда...
И гор угрюмая громада
Расступится перед тобой.

Возьми его. Алмазы слез
Тебе подарят тайны Мира
И в глубине морей сапфира
Увидишь ты рожденья грез.

Понятно, что перед нами сплошь романтические штампы, да еще при отрочески слабом владении стихотворной техникой. Но в странных «морях сапфира» можно увидеть какой-то намек на те смысловые сдвиги, на которых будет держаться зрелая поэтика Ильязда.

Другое стихотворение начинается так:

Ворон расклюй васильковые очи,
Ширь убаюкает: тихо усну...

Это уже очень нетривиальный и характерный подход к синтаксису (заметим, что и вольное отношение к знакам препинания у хорошо учившегося в гимназии мальчика явно было преднамеренным). Так же нетривиален финал стихотворения:

Степи, я к вам ухожу засыпая!..
Умерло солнце. Со мной. Навсегда.

Такая же «странность» (которую можно интерпретировать и как безграмотность, и как самобытность) есть и следующих стихотворениях:

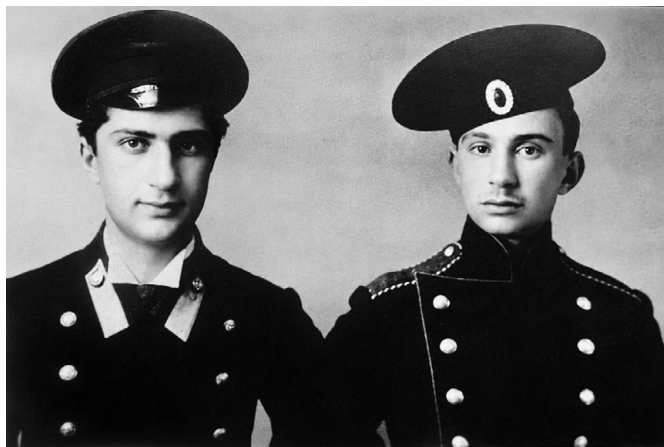
Под незакатный праздник Дня
Ты будешь звездами забытой
И лоб твой, плющем не повитый,
Никто не вспомнит как меня

Не надо забывать, что перед нами опыты четырнадцати-пятнадцатилетнего мальчика. Круг его чтения, очевидно, состоял из русской классики вперемешку с «декадентами». До Тифлиса доходили книги вошедших в моду и уже ставших мейнстримом русской литературы поэтов-символистов — Бальмонта, Брюсова, Сологуба, а может быть, и первые сборники дебютировавшего в 1903 году Александра Блока. Были ли в доме преподавателя французского языка Зданевича Бодлер или Верлен в оригинале? Трудно сказать. Но Гумилев именно в тифлисской гимназии познакомился с трудами и идеями Ницше (а познакомил его с ними, как и с Марксом, будущий посол РСФСР в независимой Грузии Борис Лиган). Мотивы некоторых стихотворений юного Зданевича напоминают массовое околосимволистское стихотворчество Москвы и Петербурга:

Золото-солнце волос Вероники,
Золото ризниц христианского Рима

Пожалуй, с Кавказом связано лишь стихотворение «Сбор винограда»: все-таки для грузинского жителя все эти «тонкорунные стада» и «зеленые кисти» не были такой абстракцией, как для среднерусского горожанина.

Связей же с грузинской поэтической традицией в этих полудетских стихах, кажется, нет. Грузинская поэзия начала века была в вершинных своих проявлениях великой, но пока мало соотносилась со вступившей в пору модернизма европейской культурой. Трудно поверить, что Важа-Пшавела — сверстник Лафорга и Метерлинка. В 1900-е годы только начинал работать основатель грузинского символизма Григол Робакидзе. Поэтому молодые поэты из Грузии, на каком бы языке они ни писали, сначала стремились «догнать» Европу, а потом вновь обращались к своим национальным истокам. Но любовь к этим истокам, конечно, жила в них изначально.

Будущие авангардисты в Тифлисе, в школьные годы. Илья — слева, в ученическом мундире реального училища, Нирилл — справа, в гимназическом мундире

У художника Кирилла она была, по его собственному признанию, связана с грузинской храмовой архитектурой. На одной из первых его акварелей изображен, например, мо-